

ФИЛОСОФСКАЯ ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР

УДК 211

ФИЛОСОФИЯ В ЕДИНСТВЕ КУЛЬТУРЫ

Т.Б. Любимова

Институт философии РАН,
Москва, Россия

tat-lub@yandex.ru

Философия в традиционном обществе основывалась на других принципах, нежели современная. Будучи частью традиционной культуры, она создавала единство, поскольку исходила из единого принципа. В традиции она смыкается с традиционными науками, среди которых была и алхимия. Алхимия расцвела в александрийскую эпоху в греко-римском Египте. Это было синтетическое метафизическое познание и одновременно практика преобразования человека и космоса. Целью ее было «исцеление» мира, она имела дело с качествами, а не с количествами. С приходом христианства алхимия стала преследоваться. В результате она выродилась в практику «превращения металлов». Алхимиков справедливо называли философами. Предметом нашего исследования, таким образом, является расширение понимания философии. Используемый метод состоит в раскрытии метафизического статуса алхимии как другого типа мышления, не сводимого к категориям современной науки. То же самое мы предприняли и в отношении современной философии.

Современное состояние человечества антитрадиционно. Это царство количества. В нем нет ни традиции посвящения, ни той интеллектуальной элиты, которая его осуществляла. Поэтому и философия перестает исполнять свое призвание, превратившись в оболочку индивидуальных мнений и суждений, не носящих универсального характера. Результатом исследования является иное понимание философии и ее роли в единстве культуры, чем то, которое распространено сегодня. Сегодня она мыслится как некое обобщение научного знания. Но философия не может быть подчинена науке, как она была подчинена когда-то религии. Ее призвание – истина. Современная философия носит печать всех негативных сторон культуры: индивидуализма, «царства количества», отсутствия единства, кризисов по всем направлениям, антитрадиционализма.

Ключевые слова: философия, алхимия, традиция, наука, культура, знание, количество, качество.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-63-76

Философию в первом приближении можно назвать знанием. Но какое это знание? Понятно, что сведения о том, какие умные мысли высказывали и высказывают люди, еще не есть философия. Эрудиция есть форма невежества, если она из средства превращается в цель, замещает собою преданность истине. А именно такая преданность есть печать философского

ума. Эрудиция – многознание, которое уму не научает – кажется силой, защитой, знаком причастности к тому слою общества, который держит «информационный банк», а стало быть, власть и влияние. Но информация – как вода, ее в горсти не удержать, если только она не окаменела в образцах культуры или не выпала в осадок. И она не равнозначна истине, кото-

рая для философа есть нечто вроде безусловной любви.

«Я знаю только то, что ничего не знаю» [3, с. 73–76, 693]. Эта сентенция приписывалась Демокриту, как отмечает А.А. Тахо-Годи в комментарии к Апологии Сократа Платона. Смысл такой притворно смиренной формулы не только в бескрайности незнания по сравнению с малой полянкой высветившегося знания о своем незнании. Но и в том, что знание нефиксируемо; как только мы уверились, что мы что-то точно установили, появляется сомнение.

Это относится и к самым ясным и отчетливо выраженным идеям. Что может быть яснее очевидности? Но познание как раз движется, разбивая одну очевидность за другой, преследуя природу, обличая и разоблачая ее, как если бы она была страшным преступником. Мы не доверяем природе. Однако так было не всегда. Это характерно именно для современного типа познания, которое никогда не есть завершенное знание. Как говорил древний мудрец и алхимик Демокрит, «камень, который не есть камень» [7, с. 186]. Разотождествление очевидности – вот первая предпосылка всякого знания.

Но традиционная наука принципиально отлична от современной науки. Подобно этому и современное искусство было бы неуместным для традиционного общества; то же можно сказать обо всех других формах культуры, включая философию. То, что мы сейчас называем философией, есть результат длительного процесса фильтрации и дистилляции того, что сохранилось от прошлого и что может быть отнесено к чистой мысли. Но и сама рубрика «чистой мысли» возникла в результате этого процесса дистилляции. Проецируя результат на исходное разнокалиберное прошлое, мы

из него строим более или менее последовательное произведение, картину или драму. Навязываем сплошному движению мысли идею поступательного развития. Мы, как обычно, проецируем себя и то, что встречаем в своей жизни, на традицию, которой не знаем и которая покоилась на других основаниях, нежели современная цивилизация. Обойти это препятствие весьма затруднительно, примерно так же как обойти свое незнание будущего. Прошлое для нас столь же странно, сколь неясно будущее. Чтобы понять, чем стала философия в современном мире (и у нас в стране), надо понять, что было в начале, какое «слово» нам говорили древние. Для этого надо посмотреть на древнюю мифологию. Мифы суть шифры, и чтобы их расшифровать, надо заняться чем-то вроде криптографии.

Конечно, мифы изучаются. Это увлекательное занятие. Но извлекается при этом лишь то, что может пройти через фильтры наших сегодняшних представлений о мире и человеке. О психологических и натуралистических интерпретациях можно и не упоминать. Древние были метафизиками, следовательно, их наследие надо интерпретировать тоже метафизически. Исследователи традиции установили глубокое сходство смыслов самых древних мифов, различающихся по форме и именам. О чем они нам говорят? Каково их послание в будущее? Если мы его поймем, хотя бы приблизительно, то нам станет ясно и предназначение выросшей из них философии, потому что сегодня философия в сознании обывателя предстает как что-то необязательное. Многим кажется, что довольно и предметного, частного, конкретного знания. А философия не такова. Не является она и обобщением всего доступного нам сейчас знания, ведь оно может оказаться и не знанием

вовсе, а набором гипотез. Ее же стихия – универсальный принцип, в котором соединены начало и конец, цель, на чем можно было бы остановиться, прекратить завихрения сознания, как это формулируется в древней и вечной йоге. В этом смысле философия – это своего рода интеллектуальная аскеза, сходная с духовной практикой, йога познания.

Но истоки ее в любом случае именно в изначальном мифе. Платон не был сочинителем мифов ради украшения мысли или ради ее разъяснения. Таково было использование языка – синтетическое и емкое. Наши современники со своей склонностью к словарной точности и терминологической вьедливости блокируют энергию творящей мысли, превратив мышление – разумеется, с самыми добрыми намерениями – в чистое рассуждение из чистых терминов, в скелет. Хотя это естественное завершение длительного процесса.

Изначальный миф, будучи первоисточком истории, есть молчание. «Молчание есть ответ среди философов» – гласит используемый алхимиками афоризм Пифагора [7, с. 144]. Иисус тоже молчал в ответ на вопрос «Что есть истина?». Слово «миф» того же корня, что и мистерия. Во французском языке скрытый корень этих слов сохранился в слове *muet* – немой, молчащий. Мистерия, миф, обретши внешнюю форму представления и высказывания, молчат о несказанном и невыразимом. Из первомифа развертывается Всё, как если бы всё там уже присутствовало. В этом смысле не было никогда никакого политеизма, его можно назвать засохшей ветвью традиции, объяснить забвением об изначальном Одном. Это трудноуловимое «одно во всеобщем множестве» есть постоянный предмет мистического переживания во всех религиях.

Хотя все с этим согласны, это «одно» легко назвать, но при этом трудно понять и выразить. Комментируя свой перевод Бхагавад-гиты, Б.А. Смирнов приводит такое толкование этого принципа: «Проявление Единого Духа как самождественное различие единомножества» [5, с. 73].

Молчание есть субстанция говорения. Не сокрытие, не утаивание; в основе лежит сплошная и вечная тишина, как темная энергия в основе видимой вселенной. Оно в начале, оно же и в конце, и везде. Но абстрактное единство и абсолютное множество – принцип эмпиризма, как думал Гегель. На этом принципе невозможно остановиться. Философская мысль прошивает растянутое между двумя крайностями полотно, создавая на нем другое единство и другую множественность. Это ее функция в культуре. Сущность, однако, функцией не исчерпывается и, возможно, даже ничуть не определяется. Из этой функции – создавать ткань культуры, нить ее основы – следует, что в философии никакой непрерывной последовательности, никакой эстафеты знания и форм его организации не существует. Эта нить может сновать в плоскости общезначимого на данный момент, уходить в неведомые глубины и возноситься в недостижимые высоты, рыскать по разным направлениям. Когда читаешь историю философской мысли, то кажется, что все правы, даже явно противореча друг другу. Смена состояний мира, а стало быть, и картин мира не есть поступательный ход истории по прямой линии. Линия времени и даже стрела времени – это изобретение современной науки. В традиции время и пространство не были бескачественными и однородными. Измерение и абстракции рождают однородные время и пространство, и далее с ними уже можно опериро-

вать как с числами. Кстати, и числа были наполнены метафизическим смыслом.

Изменив масштаб рассмотрения, мы встретимся с другой сложностью: можно ли придавать философии не исторический и локальный, а тотальный смысл? (Мы не говорим – «универсальный».) Какой смысл ее существования для человечества, для эволюции человека, если таковая возможна? На первый взгляд ясно, что она удерживает человека в его предназначении, в его человечности. Сложность состоит в том, что осознать это предназначение без фантастических девиаций совсем не легко. Тем более узнать, в чем же эта человечность состоит.

Изначальный миф распадается в разных культурах по-разному. Мистерия может стать и церемонией, и театром. Вначале театр не был развлечением, он был местом, выделенным для связи с богами, с иным миром. На сцене был потусторонний мир, там действовали боги, герои, предки, давно ушедшие, но живущие в памяти народа как культурные образцы. Театр поначалу был в прямом смысле храмом. И там и там необходимо было посвящение для внешнего круга данного сообщества. Миф и мистерия суть два аспекта посвящения: слово и дело. В зороастризме, например, была формула посвящения – истинное слово, истинное действие, истинная мысль. Человек брал на себя обязательство следовать этому требованию всю свою жизнь; отступив от этого правила, он переставал быть человеком.

В те далекие времена были поразительные астрономические знания. Само имя «Зороастр» алхимики, считавшие его предшественником своей науки, философом, переводили как «смотрящий на звезды». Удивительно, но в то время были извест-

ны большие ритмы: сотисов год (1460 год), прецессия, ритм в 25 920 лет – ученые знали об этих ритмах с удивительной точностью. Являлось ли знание древних результатом наблюдений? Или они были наследниками прежних мудрецов, нам неизвестных? Или же, наконец, они обладали какой-то другой способностью познания, расширенной, если так можно выразиться?

Наследниками этих таинственных знаний были алхимики. Они и сами кое-что узнавали, а главное, стремились синтезировать все осколки утраченного человечеством знания и вновь добытого ими самими. Расцвет алхимии произошел примерно с III в. до н. э. по IV в. н. э. в районе Средиземноморья. Локальные братства передавали друг другу идеи, образы, методы, теории и формулы, создавая алхимические школы. Но суть заключалась в метафизике: Вселенная живая, ее пронизывает всеобщая духовная и материальная связь в едином движении, в котором необходимо совершенствоваться как человеку, так и всей природе (очищаться, исцеляться и восстанавливать свою истинную сущность), и весь процесс исполнен тайной. Многие моменты перекликаются с масонским учением.

Чтобы представить себе дух подобного умственного состояния, приведу цитату из поэмы Claudien «Sur le consulat de Stilicon». Она велика, но очень выразительна: «Далекая, неведомая, вне пространства мышления, редко посещаемая богами, мать, истощенная годами, остается в изначальной пещере, в обширных недрах которой находятся колыбель и могила Времени. Змей окружает грот, медленно поглощая всякую вещь своей неспешной властью, и его зеленая чешуя всегда сверкает. Его пасть пожирает его загнутый хвост, так что ослабленным движением она очерчивает свое на-

чало. У входа сидит Природа, хранительница порога, престарелая, но всё еще приятная, и духи собраны вокруг нее и парят рядом с ней. Почтенный человек устанавливает неизменные законы. Он решает относительно числа звезд, о каждом созвездии, он делает так, что некоторые из них движутся, а некоторые фиксированы. Так все вещи живут или умирают согласно предопределенным законам. Когда Солнце поконится на пороге пещеры, Природа устремляется к нему навстречу; старый Человек склоняет свою седую голову перед горделивыми лучами. Сама собою открывается алмазная дверь, обнаруживая гигантский интерьер Дома Тайн Времени. Здесь в установленных частях находятся Века и разные Металлы, которым недостает их характерного вида. Там скопились металлы латуни, там твердеет железо, там блестит серебро, жадное до земных контактов, толпа золотых лет находится в особом месте» (цит. по [7, с. 288–289]). Змей Ураборос здесь ассоциирован с природой (*physis*), с разными металлами и древним пророчеством, что говорит об алхимических откровениях и посвящении. Мы бы ничего не поняли в этих словах и выражениях, если бы придавали им современное словарное значение. Они не просто многозначны – они не саможественны, ведь мы помним, что «камень не есть камень».

Удивительно, но древние алхимики не только не стремились в своих теориях и экспериментах к математической точности, но прямо-таки ее избегали. Это мышление имело дело с качествами, в том числе с качественным пространством и временем. Каждый момент времени имел своего хронократора, господствующую звезду. И в этом ощущается влияние не только астрономов-астрологов, но и древнего египет-

ского поклонения звездам. И все эти качественные знания сливались в едином действии, которое было одновременно и локальным, и тотальным. Именно в этом локально-тотальном действии я вижу след зороастрийского учения о Времени (Зерване) и о спасении мира. Время великого делания есть образ конечного времени, в котором идет борьба добра со злом. Результат – исцеление вселенной, это образ вечного времени света и истины. В зороастризме истина – это наивысшее благо.

На самом деле зороастризм не является дуализмом, как в этом нас уверяют [4]. Дух тьмы, Анхро-Манью, образовался из мелькнувшего сомнения Светлого Духа, Ахура-Мазды, когда тот творил мир. Сотворенный мир был совершенным. Темный Дух из зависти решил соблазнить первого Человека. Первое убийство живого существа (овцы, это начало зодиака) привело к тому, что изначальный истинный человек распался на две части – мужчину и женщину, между ними была положена вражда, смерть вошла в творение. Чтобы не погибло творение, Ахура-Мазда заключил пари с Анхро-Манью на 9 тысяч лет (конечное время). Если за это время Дух Тьмы окончательно соблазнит человека и тот станет на сторону Тьмы и невежества, то мир будет сожжен вселенским огнем, а если человек станет на сторону Света, то мир снова станет совершенным (конечно, это очень схематичное изложение). Интересна в этом мифе фигура Саопьянта, спасителя, который будет послан в мир на помощь человеку.

Мотив вселенского огня был известен не только Гераклиту, он важен и в алхимии. Сам алхимик понимает свою задачу как спасение мира, его исцеление, восстановление в материальном скрытого в

нем света. Золото внутри других материалов есть их скрытый огонь. Алхимик ищет не золото как таковое, а истину материи (ее внутреннее здоровье) в ее тотальном, но тайном единстве движения, через превращения преображая ее, избавляя от болезни и мрака. Золото – это свет материального мира. Впоследствии, после разгрома христианами этой науки в IV в., истребления традиционного знания заодно с его носителями сохранившееся знание стало пониматься аллегорически или даже буквально. Алхимическая философия в осколках и фрагментах перетолковывалась через религиозные представления. Что-то сохранялось в качестве эзотерического знания, но в целом упрощалось и фальсифицировалось в интересах религии. Арабы транслировали в Европу науку и философию, евреи – алхимию. Христиане явно отвергали священные науки вообще, но в символических и идеях тайно пользовались их отдельными элементами. Так формировался новый тип сознания – анализирующий, рационализирующий, а главное, ориентирующийся на количественные методы. Философия в этой среде, подпав под власть религии, должна была всё-таки исполнить свое предназначение, забытое, но не исчезнувшее.

Надо заметить, что из-за философских теорий народы никогда не воюют. Потому что, как считали алхимики, они живут в нематериальном мире (философами тогда называли именно их). Я думаю, что и современная философия не должна брать сторону войны. В силу универсального ее предназначения она ищет заветную точку, в которой «всё в одном», что создало бы искомую опору для единства культуры не только данного сообщества, но и для всего человечества. К сожалению, это не реализуется, несмотря на все ухищрения разу-

ма. Видимо разуму недостает чего-то очень важного. Может быть, такая задача по плечу религии? Однако истина одна, а религий много, и это множество в силу того, что каждая из них основана на вере в свою истину, неизбежно вносит раздор.

Религия отнюдь не есть основа единения людей, общества, человечества. Что такое вера? Это утверждение того, чего нет в наличии или чего не может быть по известным в конкретное время законам. Вера утверждает несуществующее как существующее. Она есть тень памяти и проект желания. То, что удерживает память, уже не существует, но мы верим, что это *есть* в прошлом. Вера складывается из образов, т. е. из способности воображения, и энергии, т. е. из желания того, чтобы эти образы были реальностью. Воля (энергия желания) и воображение – таков ее состав. Чем сильнее вера, тем непримиримее раздор между разными верами. Вера вовлекает в свою орбиту и другие психические комплексы, так что может захватить всю жизнь души, поляризуя ее. Она меняет убеждения, чувства во всем их многообразии, увлекает мысли, устанавливает особые фильтры для них и, конечно, стремится установить социальный контроль. Если философ, художник, оратор, любой деятель культуры задевает эти тайные струны, то его произведение может получить от этого дополнительную энергию воздействия на публику.

Но это не означает, что вера есть путь истины. Вовсе нет. Она торжествует в публичном пространстве, в общении. А это не есть место истины, это место договора, сговора. Философия, выходя в публичное пространство, подчиняется его требованиям. Она должна выступать на этой сцене в приличном одеянии. Она должна «надеть» на себя определенное лицо, ведь философ,

как считается, должен быть личностью, а личность существует в публичном пространстве, которое есть не только театр, но и рынок. На рынке об истине никто ничего не слышал, здесь царит формула товар–деньги–товар. Здесь критерий «качества» – продажа. И эта зависимость от рынка для философии еще более тягостна и даже пагубна, чем зависимость от религии.

Религия через образы и внушения старается веру монополизировать. Вера, однако, вне религиозных границ есть неотъемлемое свойство мышления. Она, как энергия желания, устремляясь в будущее, его творит. Дурное или прекрасное – это зависит от совести. И если в современной культурной среде философия стремится быть публичной, то это резко контрастирует с философией алхимии, которая не только преследовала вселенские цели, но и вершила свое великое дело в тишине и в тайне. Ответ философа – молчание, а в публичном пространстве это невозможно, как и чистая совесть. Вся суть древней мудрости здесь вывернута наизнанку.

При распаде изначального мифа алхимия соединила в себе несколько разнородных компонентов: знания персидских магов и египетских мудрецов, эзотерические знания евреев и греков, метафизические принципы и одновременно конкретные практики и технологии. В наше время об алхимии сложилось довольно узкое и потому искаженное представление. Она была в свое время сильным движением мысли к преобразующему знанию. Это был особый и неповторимый образ *другой* науки. Современная наука, принявшая за основу количественные методы и разделившая природу и человека, Вселенную и человека, человека уничтожила. Цифра, к которой в конечном счете было сведено чис-

ло, превращает самого человека в цифру, а весь мир – сначала в механизм, а затем и в голограмму. Алхимия не химия, но она и не психология. Она вообще непонятна ни с точки зрения современной науки, ни с точки зрения психологии в частности, которая также строится на той же основе объективирующего знания.

Алхимия была одновременно и философией жизни и космической философией, одновременно синтетической и экспериментальной. В ней впервые возникла идея лаборатории как выделенного пространства, границы которого можно контролировать, а процесс можно создать, и у него будет начало и конец, результат. Это и ремесло, и искусство, и теория, и практика. Исходный момент такого знания – единство человека и космоса, человека и природы, единство мирового процесса. В нем целое определяет все процессы как единая тенденция.

Позднее отношение к традиционной науке диктуется близким горизонтом, собственным «царством количества». Традиционные науки ушли в тень, оставив на виду лишь темные символы, которые современными учеными истолковываются по большей части натуралистически. Алхимики искали и наблюдали качества. Золото есть символ совершенного качества, его сверкающий, сияющий *цвет* был целью лабораторных опытов. Причем совершенство качества должно распространяться на всё: на человека, материю, природу, космос. Целое и единое для них было реальностью. Это не означает, что алхимия была вариантом того, что мы сейчас называем философией. Нет, это было другое знание, другая возможность, которая не реализовалась ни в религии, ни в науке, ни в философии в их современном понимании и бытовании.

Современная культура может быть названа разорванной, смешанной из обрывков прошлых знаний и представлений. С информационной точки зрения это гора мусора, о чем красноречиво свидетельствуют СМИ. Философия не справляется со своей задачей восстановления целостности и полноты мира, в котором живет человек. Напротив, она поддается общему тяготению к хаосу. Если во времена Средневековья она уступила власть религии, то сейчас она уступила ее даже не науке, а смеси различных фрагментов, осколкам сильных движений мысли.

Философия теряет свою почву. Она примеривает одеяния других областей познавательной деятельности: философия науки, философия религии, философия истории, философия права. Философия чего угодно в соответствии с тем или иным уровнем разделения труда. Получается, что предмет рассмотрения диктует не только метод рассмотрения, но даже организацию внешней деятельности, т. е. выход в публичное пространство, в котором будет представлена работа не только рассудка, разума и воображения, но и работа души. Но, как творение души, она может быть только *первофилософией*, а не растворенной в предметах науки или заимствованной из какой-нибудь иной культуры.

Общепринятой философии не существует. Гегель был прав в том, что каждый народ призван исполнять свою неповторимую партию в бесконечной полифонии мирового духа. Не прав он был, выстраивая движение мирового духа по линейному времени, где голоса сменяли друг друга, как в опере. История оказалась не оперой, а мировая сцена существует только в воображении политиков. Универсальность философии в том, чтобы это *tutti* голосов

звучало в гармонии с вселенским строем и одновременно с предназначением человека. Поэтому с точки зрения универсальности знания интересно то время, когда существовала алхимия до того, как ее подавило христианство. По крайней мере, цель у нее была универсальной. В Европу она попала в усеченном виде, как практика и технология. Метафизическая устремленность ее померкла.

Синтетический и вдохновенный стиль древней алхимии предполагал, по видимому, существование особого типа человека и особых способностей. Работа алхимика им самим расценивалась как священнодействие. Для нее требовалась особое состояние, общение с богами, особая чистота. Сам процесс назывался очищением, исцелением, *освобождением* истинного металла (если имели дело с ним), а в самом ученом – истинного человека. Всё это мыслилось не только локально, но и тотально: преображался весь космос. Какими же способностями должен был обладать алхимик, не говоря уже о качествах личности? Можно назвать это интуицией, можно особым типом интеллекта, можно считать сверхспособностями, но речь не идет просто о сознании или бессознательном. Я предполагаю, что эти способности и расширенные возможности были знаком посвящения. Не того, о котором мы знаем из этнографической литературы или из описания религиозных практик. Речь идет о реальном посвящении, преобразующем жизнь и весь состав человека, его окружение, судьбу и весь мир. Преобразование судьбы тоже было целью алхимической работы, в том числе и «исцеление от бедности». Бедность алхимики считали неизлечимой болезнью, а алхимическая работа должна была избавить мир от нее, причем через знание.

Не через изобретение идеологий и переустройство общества, а через восстановление гармонии человека и Вселенной. Таков тогда был основной импульс души.

Современный человек не таков, он существует в стороне от всякого посвящения. Тем не менее задача остается нерешенной.

Философия произрастает в конкретном языке, а язык, как утверждал Гумбольдт, – это душа народа. Поэтому мы и говорим – и справедливо: греческая философия, немецкая философия. Все интеллектуальные достижения других народов мы подводим под эти образцы. Через эти образцы мы сейчас понимаем и усваиваем другие мысли и идеи, но, увлекшись этой работой, забываем об импульсе души.

Естественный язык на каком-то уровне развития рождает философию. А ведь математика – тоже язык. Как и естественный язык, она создает самостоятельную реальность. При входе в школу Пифагора было начертано: «Не знающим геометрию запрещено входить». Греки были геометры, арабы создали алгебру, индусы, будучи метафизиками по природе, придумали ноль, отрицание всего. А включив в натуральный ряд чисел ноль, как сделали европейцы, можно продолжить ряд в обратную, так сказать, сторону. Появились отрицательные числа, мнимые, комплексные. Но ведь есть только то, что есть, а чего нет, того и вовсе нет! Положительные числа имеют к реальности прямое отношение: вещи можно считать, если пренебречь различиями того, что обозначается повторяющимися единицами. То есть мы отбрасываем вещь и заменяем единицей, отождествляя мыслимую единицу и немислимую вещь, о которой мы ничего не знаем. Мы умеем считать *ничто* как таковое, как если бы оно было *чем-то*, да еще в достаточном для сче-

та количестве, т. е. мы считаем количество ничто (его и сказать-то во множественном числе нельзя!).

Но оказывается, что и отрицательным числам можно дать приемлемую интерпретацию. Это могут быть, например, долги. Но долг – это не реальность, это возможность, надежда на будущее (вдруг отдадут?). Эта возможность зависит не от законов природы, а от договора, т. е. от социальных установлений. Получается, что ноль – ничто – соединяет в числовом ряду два порядка, не соединимых и не сводимых друг к другу. Математика вбирает в себя подобные изобретения, и ей это не очень сложно, потому что в них суть объективации устройства самого ума, обращающего свою энергию на ту или иную область бескрайнего «поля» незнания.

Отношение математики и философии – вопрос не простой. Отделившись и объективировавшись, они теперь противостоят друг другу. Третьим в этом единстве различаемых будет, конечно, музыка. Философ – неудавшийся музыкант, согласно удачному словечку Ницше. Математика – близнец метафизики, ее точность не имеет отношения к реальности, она вне природы. Музыка без философии как-то глупа, а по выражению Лейбница, музыка – это исчисление души (наверное, это более древняя формула, возможно, и Пифагора). Так что говорить о философии независимо от языка, менталитета народа, математики, музыки, интеллектуальной среды трудно. И всё же она ни с чем несоединима по своей сущности, т. е. по преданности истине, как угодно выраженной: абстрактной, конкретной, ясной, темной или символической.

В нашей стране в силу того, что практически все области культуры строятся по заимствованным образцам, философские за-

нения также не стали самостоятельными и самобытными. В силу этого философия у нас ориентирована на подражание и эрудицию. Мы помним, что у нас были великие литература, музыка, живопись и что в этих искусствах можно видеть философское начало. С этим никто не спорит. Достоевский, разумеется, философ. Религиозные писатели тоже в определенном смысле философствуют. Музыка бывает тоже очень глубока по мысли. Но собственно философия у нас вторична. И она, как отрицательная половина числового ряда, есть долг. Перед кем? Перед человечеством, страной, перед самой собой. Исторические причины понятны, социальные тем более. Философия есть свободная и самостоятельная мысль, а у нас же свободная мысль – это протест либо социальный, либо политический, либо свободомыслие относительно религиозных догм (секты, толки и тому подобный культурный дизайн). Но если мысль сама по себе несвободна, это не мысль, а воспроизведение мнений. Я думаю, что нашей философской мысли недостает внутренней энергии. Энергия мысли берется из какого-то источника. В нашем случае этот источник – язык, в нем источник живой энергии.

Мысль, в особенности философская, спаяна со всеми качествами пространства, времени и языковой среды. Человек – ее проводник, или, как говорят китайцы, человек есть посредник между небом и землей [2]. Греческая философия есть концентрированное выражение *той* среды, *того* языка, *того* народа; немецкая – соответственно немецкого языка, его среды и народа. Но мы всё-таки называем и то и другое одним именем. Алхимия в греко-римском Египте тоже называлась философией. Она такова, потому что во всех случаях содержит в себе универсальный принцип – по-

иск и утверждение истины. Из этого, пусть даже только подразумеваемого, принципа следуют все прочие великие и общезначимые намерения. А язык по самой своей природе уже есть в развернутом виде покрывало универсального существования, точнее, доступной его части. По тому, как это покрывало организовано, по его неровностям мы стараемся разгадать сокрытую реальность. Обойти язык невозможно, но и бездумно ввериться ему тоже было бы опрометчиво, потому что у него есть свойство забалтывать, скользить от одного значения к другим, плавно, не замечая границ этих самых значений. Язык говорит сам за себя, но он говорит не понятиями и терминами с точно определенными значениями. Точностью обладают звуки в музыке, поэтому музыка говорит по форме весьма определенно и осмысленно, но на самом деле ее содержание нельзя определить, потому что там его нет. Его нельзя высказать, в этом трудность любых интерпретаций хорошей музыки. Философ – неудавшийся музыкант, поэтому он пользуется плавающими значениями, и это законно. Но он всё-таки не музыкант, для которого точность звука важна не менее точности знака в математике.

Каждая эпоха обладает присущими ей стилем, тональностью, характерностью. Сейчас всю нашу культуру и ее организацию пронизывает в каком-то странно преувеличенном виде бюрократическое, административное, юридическое начало. Культура, подчиняясь этому стилю, превращается в музей, в котором сохраняются «достижения». Большинство наших писаний – это музейные экспозиции: автор, как некий экскурсовод, останавливается на том или ином имени, школе, произведении и комментирует его, излагая известные ему сведения. Заботится он более всего о том, что-

бы, выйдя на рынок продаж и признания, отвоевать себе в нем место. Удобнее всего для этой цели использовать великие имена прошлого и знаменитые имена современности. Такое давление – следствие бюрократического стиля социальной жизни, отражающегося в культуре, и следование требованию рынка блокируют развитие философии, кроме русской философии, потому что ее просто нет. Нет философии, которая бы саму себя созидала и саму себя определяла, принимала на себя универсальную задачу постижения и воплощения истины, всеобщей и тотальной, пусть и в частном и локальном воплощении. Преткновением здесь является не только вторичность по отношению к заимствованиям, не только бюрократический и рыночный дух, ядовитый для свободной и самобытной мысли каждого философа, но и неспособность реализовать возможности языка.

Переводчик «Трактата о Единстве» Ибн Араби [6] утверждает, что арабский язык «алгебраичен», и поэтому если рассуждение правильное, то на арабском невозможно сделать синтаксическую или лексическую ошибку: грамматика не позволит. В рамках этой метафоры русский язык совсем не алгебраичен. Его грамматика позволяет делать ошибки при правильном рассуждении, потому что рассуждение не строится по внутренней логике языка. Русский язык топологичен. Он очень нюансирован, каждый очередной нюанс меняет направление размышления, сохраняя непрерывность (понятность) при грамматических деформациях. Греческий язык, несмотря на сложность, это линейная геометрия, и правильно рассуждать на нем значит рассуждать геометрически. Соответственно и философия греков отличается стройностью и ясностью. Латынь, как мне представляется,

– это аналог тригонометрии. Современный французский – это вообще арифметика. Он хорош для любезного или, напротив, острого разговора. Английский – разорванный числовой ряд, это язык торговли.

Эта аналогия с математическими дисциплинами показывает нам важное препятствие, которое надо преодолеть, чтобы говорить о русской философии. В согласии со строем языка нам бы и говорить надо топологически, а значит, так и мыслить. Понимаю, что эта мысль может вызвать недоумение. Как это – мыслить топологически? Это значит следовать естественному ходу мысли, восходящей от микрокосма к макрокосму, через ступени невидимой спирали универсального существования, на которых возможности понимания, знания и действия расширяются непредвидимым образом.

Естественное движение мысли не равно потоку сознания. Такая мысль была бы посвящением, а философия, за ней следующая, возвращалась бы к первоисточку, к первофилософии. Естественный ход мысли – это беспрепятственная трансляция мысли из единого информационного поля вселенной. Так, наверное, творит гений, когда его «призовет к священной жертве Аполлон». Такие гении, как Моцарт и Чайковский, слышали в уме будущее произведение целиком и просто записывали его, а не сочиняли нота за нотой. Мы же, интенсивно участвующие в социальной и культурной жизни, как правило, подчинены требованию ее установлений, забыв об универсальном источнике знания. Его по-разному называли в прошлом: душа мира, ноосфера, пневма, пронизывающая собою всё, как дыхание Бога, Дао, Святой Дух. Поэтому мысли наши бегут по путям, проложенным жесткими культурными формами.

Гении – явление редкое. Видимо, они не замечают этих рельсов или же обладают особой энергией и настроенностью на некую высшую цель, как древние алхимики.

История, а значит, и философия как ее часть живут не в линейном времени. Они ближе к поэтическому или художественному произведению, ведь история (а тем более философия) рассказывается, а рассказ существует в другом времени и пространстве. Субъективное переживание времени бывает очень разным, оно несводимо к той картине, которую изобразил Э. Гуссерль в работе «Внутреннее переживание времени». Часто оно выражается метафорами воды: «время течет», «бежит», «река времени»; в мистическом переживании время, как правило, останавливается. Самый красивый образ у Платона: время – это подвижный образ вечности. Линейное время науки или длительность А. Бергсона всё еще суть схемы «горизонтального» времени, по выражению Г. Башляра. Поэтическое время есть нечто принципиально отличное от этого: «Аккумулятивные одновременности суть *упорядоченные* одновременности. Внутренне упорядочивая одновременности, они делают его [время – Т.А.] объемным. Итак, время – это порядок, и ничто другое. А всякий порядок – время. Следовательно, порядок амбивалентностей в мгновении является временем. И, отвергая время горизонтальное, то есть становление окружающего, становление жизни, становление мира, поэт открывает время вертикальное» [1, с. 348–349]. Горизонтальное время как бы размыкается в трансцендентное.

Конечно, замкнутость-разомкнутость тоже есть лишь пространственная метафора, мета-форма. Она символизирует собой то обстоятельство, что мир человека у него внутри сознания, в голове, он непроница-

ем для внешних вмешательств. Человек живет в оболочке времени. В противном случае ни о каком познании самого себя говорить не приходится, ведь внутренний мир не будет тогда достаточно прозрачным для самого себя из-за посторонних влияний, не будет «магическим кристаллом». А только в этом случае он может быть аналогом Вселенной (или, говоря языком религии, образом и подобием Бога). Вот это созвучно задаче философии – она ведь, будучи в числе всего прочего рассказом обо всём, живет в этом самом вертикальном времени. По ленте этого времени она, как разведчик, направляется от постижения самого себя микрокосмом к постижению макрокосма как тоже самого себя, но развернутого в будущее, в бесконечность.

Этот принцип всепроникающей аналогии был известен повсеместно и выражался древними по-разному: «как наверху, так и внизу», «путь вверх и вниз один и тот же» (выражения, приписываемые Гермесу Трисмегисту); «всё во всём, но в каждом особым образом» (Прокл) и пр. Аналогия эта – вещь, совершенно законная для древнего мира. В человеке как аналоге Вселенной все ее законы, ряды и порядки действуют точно как же, как и в ней самой, ведь он не вырезан из мира неким непостижимым образом, хотя и отделен от окружающего мира непроницаемой оболочкой времени. Он и есть свернутая в пространство и время Вселенная. Пространство и время человека замкнуто на нем самом, он не покидает своего времени жизни при жизни (внутреннее время человека есть его вечность). Внутреннее время жизни есть нечто отличное от внешнего времени, которое разомкнуто. Никто не знает; что это «на самом деле». Наука понимает под временем только параметр в формулах, обладающий чис-

ловым значением, т. е. для нее время есть движущееся число. Мало того, время для нее измеряемо, соизмеряемо, это понятие, производное от *меры*. Время и пространство, если они суть количество, измеряемое в цифрах (в скорлупе чисел), ничем не могут послужить ни философии, ни единству культуры. Ими нельзя измерить предназначение человека открыть в себе истинного человека (по аналогии с алхимическим золотом как светом материального мира), они не помогут ни открыть спасителя мира (в чем и заключалось послание изначального мифа), ни исцелить мир от неисцелимой болезни бедности.

Послесловие

Вообще-то статья Татьяны Любимовой не нуждается в пояснениях. Но мне хочется ее прокомментировать в силу, может быть, непривычной для научного журнала формы изложения. Перед нами отчасти забытый классический философский дискурс, свободно сочетающий в себе рациональные и нерациональные элементы и темы. Для меня такое сочетание выглядит как встреча с родными пенатами. К тому же обсуждается смысл философии, ее начала, истоки мысли, глубинные архетипические структуры человека. «Надо заметить, – пишет Любимова, – что из-за философских теорий народы никогда не воюют. Потому что, как считали алхимики (тогда их называли философами), они живут в нематериальном мире. Я думаю, что и современная философия не должна брать сторону войны. В силу универсального ее предназначения она ищет заветную точку, в которой «всё в одном», что создало бы исковую опору для единства культуры не толь-

ко данного сообщества, но и для всего человечества». Эти и другие очень глубокие и откровенные мысли-видения предлагаются читателю не в форме рассуждений, хотя в статье есть и рассуждения. Автор вовлекает нас в непрерывный дискурсивный и художественный семиотический поток, столько же философский, сколько и поэтический. Погружение в него требует от нас не только напряжения мысли, но и искренности, готовности оживить и возобновить, возможно, открыть заново, наше изначальное, заслоненное профессиональной рутинной состояние души. Почему бы не пойти на этот эксперимент, не ожидая от него привычного журнально-научного эффекта?

Вадим Розин

Литература

1. Башляр Г. Новый рационализм: сборник пер. с фр. – М.: Прогресс, 1987. – 376 с.
2. Генион Р. Великая триада: пер. с фр. – М.: Беловодье, 2010. – 224 с.
3. Платон. Апология Сократа // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1. – С. 70–96.
4. Рак П.В. Мифы Древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). – СПб.: Журнал «Нева»: Летний Сад, 1998. – 560 с.
5. Смирнов Б.А. Введение // Бхагавадгита. Книга о Бхипше (отдел Бхагавадгита, кн. VI, гл. 13–24) / пер. Б.А. Смиронова. – 3-е изд., доп. – СПб.: А-сад, 1994. – 600 с. – (Философские тексты Махабхараты).
6. Abdul Hâdi Agueli. L'Identité suprême dans l'ésotérisme musulman (suite et fin). – URL: <http://esprit-universel.over-blog.com/search/Publi%C3%A9%20par%20Abdoulatif/> (Mars 2013) (accessed: 08.08.2017).
7. Lindsay J. Les origines de l'alchimie dans l'Égypte gréco-romaine. – Monaco: Le Rocher, 1986. – 477 p. – (Gnose).

PHILOSOPHY IN THE UNITY OF CULTURE

Т.В. Lyubimova

Institute of Philosophy, RAS,
Moscow, Russian Federation

tat-lub@yandex.ru

Philosophy in the traditional society was based on other principles than in the modern one. As a part of the traditional culture, it created unity, because it originated from the single principle. It was linked with traditional Sciences, among which there was alchemy. Alchemy became prosperous in the Alexandrian epoch, in Greco-Roman Egypt. It was synthetic metaphysical cognition and at the same time practice of a man and cosmos transformation. Its aim was “healing” the world; it had to deal with qualities, not quantities. With the advent of Christianity, alchemy became persecuted. As a result, it degenerated into the practice of “metals transformation”. Alchemists were rightfully called philosophers. The subject of our study, therefore, is to extend the understanding of philosophy. The applied method consists in the disclosure of the metaphysical status of alchemy as a different type of thinking, not reducible to the categories of modern science. The same analysis has been made in relation to contemporary philosophy. The modern state of humanity is anti-traditional. This is the realm of quantity. There is neither a tradition of initiation, nor the intellectual elite, which put it into practice. Therefore, philosophy ceases to follow its calling, becoming a shell of individual opinions and judgments of non-universal nature. The result of this research is different understanding of philosophy and its role in the unity of culture, it differs from the understanding widely spread today. Nowadays it is understood as generalization of scientific knowledge. But philosophy cannot be subordinated to science as it was once subordinated to religion. Its mission is to find the truth. Modern philosophy bears the imprint of all negative aspects of culture: individualism, “the realm of quantity”, the lack of unity, crisis in every direction, anti-traditionalism. Alchemy was the historical experience of transforming knowledge. It sought to overcome the limitations of individual existence.

Keywords: philosophy, alchemy, tradition, science, culture, knowledge, quantity, quality.

DOI: 10.17212/2075-0862-2017-3.1-63-76

References

1. Bashlyar G. Novyi ratsionalizm [New ratio]. Bachelard G. *Novyi ratsionalizm* [New rationalism]. Translated from French. Moscow, Progress Publ., 1987. 376 p. (In Russian).
2. Guénon R. *Velikaya triada* [Great triad]. Translated from French. Moscow, Belovod'e Publ., 2010. 224 p. (In Russian).
3. Platon. Apologiya Sokrata [The Apology of Socrates]. Platon. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 1 [Complete works. In 4 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1990, pp. 70–96. (In Russian).
4. Rak I.V. *Mify Drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastriizm)* [The myths of Ancient and early medieval Iran (Zoroastrianism)]. St. Petersburg, Zhurnal “Neva” Publ., Letnii Sad Publ., 1998. 560 p.
5. Smirnov B.L. Vvedenie [Introduction]. *Bkbagavadgita. Kniga o Bkbishme (otdel Bkbagavadgita, kn. VI, gl. 13–24)* [Bhagavadgita. The book about Bhishma (Department of Bhagavadgita, vol. VI, ch. 13–24). 3rd ed. St. Petersburg, A-cad Publ., 1994. 600 p.
6. Abdul Hâdî Aguéli. *L'Identité suprême dans l'ésotérisme musulman (suite et fin)*. Available at: <http://esprit-universel.over-blog.com/search/Publi%C3%A9%20par%20Abdoullatif/> (Mars 2013) (accessed: 08.08.2017).
7. Lindsay J. *Les origines de l'alchimie dans l'Égypte gréco-romaine*. Monaco, Le Rocher, 1986. 477 p.